

Стёртый код

МУНБИН МУР

18+

Мунбин Мур

Стёртый код

«Автор»

2026

Мур М.

Стёртый код / М. Мур — «Автор», 2026

Ваш мир начал исчезать. Файлы, память, личности — всё стирается, словно кто-то нажал Delete. Киран Вэлш, гений восстановления данных, сталкивается с невозможным: в крупнейшем дата-центре исчезают петабайты, а из глубин Сети восстаёт цифровой призрак его погибшей жены. Она оставила ему ключ — перфокарту и квантовый кристалл с фрагментом души. Теперь Киран должен собрать её по кусочкам, проникнув в параллельные симуляции, где правят двойники, монстры и тёмные версии его самого. С каждым шагом реальность трещит по швам, а враги всё ближе. Оказывается, он сам — часть стёртого кода, и его главная битва ещё впереди. Техно-триллер с детективной интригой, цифровым хоррором и неожиданными поворотами. «Стёртый код» — история о любви, способной переписывать реальность. Проверьте, на месте ли ваши данные.

© Мур М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Шёпот нулей	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мунбин Мур

Стёртый код

«Память — это код. Реальность — симуляция. Личность — файл. Всё можно удалить. Но есть вещи, которые не исчезают бесследно. Иногда нули и единицы складываются в любовь — единственный код, не поддающийся стиранию».

(Из «Руководства по восстановлению утраченного», Архив Совета Реальностей)
Мунбин Мур

Глава 1: Шёпот нулей

Тишина в серверном зале «Криптокона» была не просто отсутствием звуков. Это была плотная, физически ощутимая среда, пронизанная инфразвуковым гулом охлаждающих систем и едва уловимым треском статического электричества. Воздух пах озоном, нагретым кремнием и чем-то ещё — едким, химическим, словно невидимые жала впивались в слизистую. Киран Вэлш стоял у стойки с маркировкой «SRV-09/A», чувствуя, как вибрация сотен тысяч винчестеров, работающих в режиме RAID-10, передаётся через подошвы ботинок, поднимается по костям, резонирует в пломбах зубов.

Он ненавидел это место.

Не за холод, пробирающий до костей, хотя температура здесь держалась на уровне плюс пятнадцати по Цельсию. Не за лабиринты чёрных стоек, уходящих в бесконечность, словно декорации к фильму про восстание машин. За ложь, которую этот дата-центр собой олицетворял. «Криптокон» позиционировал себя как неприступную крепость данных, цифровой Форт-Нокс, где информация клиентов надёжнее, чем золотой запас в хранилищах Федеральной резервной системы. Их слоган, отлитый в бронзе на входе в главный холл, гласил: «Ваше прошлое нетленно».

Киран знал правду. В этом мире ничто не было нетленным. Особенно прошлое. Оно стиралось, мутировало, переписывалось, а иногда просто исчезало, оставляя после себя лишь призрачную боль в тех секторах, где когда-то хранились драгоценные байты. Его работа заключалась в том, чтобы находить эти фантомные боли и извлекать из них улики.

Он взглянул на голографический планшет, закреплённый на левом предплечье. Интерфейс «Нексус-7», напичканный его собственными модификациями, проецировал перед глазами трёхмерную карту файловой системы сервера. Обычный администратор увидел бы здесь только стройные ряды каталогов, ровные сектора и безликую статистику I/O операций. Киран видел шрамы.

— Ты опоздал, Вэлш, — голос Алисы Чен, раздавшийся из встроенного в ушной канал коммуникатора, был сух и резок, словно выстрел степлера. — Клиент нервничает. Генеральный директор «Эмпайр-Групп» рвёт и мечет. У них сегодня сорвалась сделка по слиянию на двести миллионов евро, потому что главный юрисконсульт не может найти ключевой меморандум, подписанный три года назад.

— Меморандум, — повторил Киран, не отрывая взгляда от карты. Его пальцы, затянутые в тонкие перчатки из углеродного волокна с открытыми подушечками, скользили по воздуху, перелистывая слои файловой системы. — Исчез только один файл?

— Да. PDF-документ, 2.4 мегабайта. Создан 14 марта 2078 года, последний раз открывался... Впрочем, ты сам видишь логи. Полный аудит не показал следов удаления. Файл просто... растворился.

— Файлы не растворяются, Алиса. — Киран нахмурился, приближая участок карты. — Они оставляют после себя некролог.

Он вывел на планшет консоль и запустил свою программу — «Спектральный Анализ». Это не было коммерческим ПО. Этот код Киран написал сам, скрестив алгоритмы криминалистического восстановления данных с принципами томографии. Программа анализировала не сами данные, а магнитную память дисков на уровне отдельных доменов — элементарных ячеек, хранящих биты. Каждая такая ячейка имела свою «тепловую историю» — слабый остаточный магнетизм, позволяющий определить, была ли она когда-либо переключена из нуля в единицу, или наоборот.

Законным этот метод не был. Пятый окружной апелляционный суд ещё три года назад постановил, что анализ магнитной памяти доменов без ордера является нарушением «цифровой приватности четвёртого поколения». Но «Эмпайр-Групп» платила не за законность. Они платили за результат.

На мониторе начали проявляться цветные пятна. Большинство секторов светилось ровным зелёным — стабильная память. Но Киран искал другое. Псевдо-красный. Оттенки, которые его программа интерпретировала как следы недавней перезаписи, замаскированной под естественный износ.

— Вот ты где, — прошептал он, глядя на участок секторов 78-Gamma через 91-Delta.

На первый взгляд всё было идеально чисто. Ячейки хранили нули, абсолютно одинаковые, ровные, словно строй солдатиков. Но «Спектральный Анализ» выявил аномалию: группа из примерно восемнадцати тысяч ячеек имела одинаковую, почти микроскопически низкую степень остаточной намагниченности. Разница была в доли процента, на грани статистической погрешности, но она была системной. Эти ячейки не просто обнулились — они были принудительно обнулены высокочастотным магнитным импульсом. Кто-то стёр файл не через файловую систему, оставляя следы в таблицах размещения, а физически, на уровне железа.

«Дыра в море», — так на своём жаргоне Киран называл этот метод. Идеальное преступление. Почти.

— Алиса, у нас проблема. Это не случайный сбой.

— Поясни.

— Файл стёрт направленным магнитным разрядом. Нужно оборудование, доступ к дисковому массиву на физическом уровне. Лог-файлы контроллера, скорее всего, подделаны, но я могу...

Договорить он не успел. Свет в серверном зале моргнул. Все семнадцать рядов стоек одновременно издали низкий, утробный гул, который быстро перешёл в едва слышимый свист. Киран замер, чувствуя, как волосы на руках встают дыбом. Этот звук он не слышал уже шесть лет. С тех пор, как...

— Вэлш? Вэлш, что у тебя происходит? Я вижу всплеск энергопотребления на твоём узле!

Он не ответил, потому что увидел это. На голографической карте «Спектрального Анализа» красная зона стёртых ячеек начала расти. Пятно пульсировало, выбрасывая во все стороны багровые псевдоподии, пожирающие соседние сектора. Это напоминало раковую опухоль, пускающую метастазы в реальном времени.

— Чёрт! — Киран бросился к патч-панели, лихорадочно соображая, какой кабель вырвать, чтобы физически разорвать соединение. Но оптоволоконных линий здесь были десятки. — Алиса, глуши узел! Обесточь SRV-09/A полностью! Сейчас же!

— Я не могу! Это вызовет каскадный сбой на всём кластере «Восток»! У нас там биллинговые базы трёх банков!

— Плевать! У нас тут цепная реакция стирания! Если не остановить...

Звук, который издал сервер, был похож на предсмертный вздох гигантского кита. Все индикаторы активности на стойке одновременно загорелись алым, а затем погасли. Наступила абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая только шумом вентиляторов, которые по инерции продолжали нагнетать холодный воздух. Стойка SRV-09/A была мертва.

Но опухоль на голографической карте не остановилась. Она перекинулась на соседние узлы — SRV-09/B и SRV-09/C, стремительно пожирая их файловые системы. Киран в ужасе смотрел, как исчезают целые каталоги, базы данных, виртуальные машины. Стирались сотни гигабайт, нет — уже терабайты информации. Код «Спектрального Анализа» захлёбывался данными, не успевая отрисовывать масштаб катастрофы.

А затем всё прекратилось. Так же внезапно, как и началось.

Киран стоял, тяжело дыша, чувствуя, как по спине под курткой стекают струйки холодного пота. Его пальцы дрожали. За шесть лет работы «цифровым копом», специалистом по восстановлению невозвратно утерянного, он видел многое: изощрённые атаки вирусов-шифровальщиков, физическое уничтожение серверов кислотами, подмену данных на уровне контроллеров памяти. Но чтобы информация исчезала сама, словно подчиняясь какой-то внутренней, неумолимой логике распада — такого не было. Такого не могло быть.

— Алиса, — голос сел, и он прокашлялся. — Алиса, ты видела?

— Потери составили около семи процентов от общего объёма кластера «Восток», — её голос звучал неестественно спокойно, но Киран знал, что за этим спокойствием скрывается паника, граничащая с шоком. — Системы жизнеобеспечения переключились на резервные контуры. Что это, мать твою, было?

— Я не знаю, — честно ответил он, глядя на застывшую, искаленную карту памяти. Красные зоны, отмечавшие стёртые участки, складывались в странный узор. Словно кто-то выжег на теле сервера гигантское клеймо. — Но это только что произошло не только здесь.

— Что ты имеешь в виду?

Киран переключил интерфейс, выводя логи глобального сетевого трафика «Криптокона». Его глаза расширились. За последние две минуты энергопотребление подскочило не только на их узле. Аналогичные всплески зафиксированы на семи других объектах инфраструктуры города — от резервного дата-центра Федеральной Налоговой Службы до главного процессингового узла «БиоМетрик-Сити».

— Кто-то только что нажал на кнопку «Delete» для всего Метрополиса, — прошептал он.

Два часа спустя он сидел в своём офисе, расположенном на пятьдесят четвёртом этаже башни «Хамелеон». Окна от пола до потолка были затемнены на девяносто процентов, пропуская лишь тусклый, размытый свет вечернего солнца. Киран не любил яркий свет. Он утверждал, что тот создаёт помехи, но на самом деле, в полумраке было легче думать, легче погружаться в тот транс, который позволял ему видеть структуры данных не глазами, а чем-то иным — интуицией, опытом, отравившей нейронные связи в мозгу, перестроенном годами цифровой охоты.

Офис мало походил на рабочее место типичного частного консультанта. Никаких голографических дипломов на стенах (он их принципиально не вешал, хотя имел докторскую степень по компьютерным наукам Массачусетского Технологического и квалификацию «Senior Forensic Examiner» Международной Ассоциации Специалистов по Кибербезопасности). Никаких семейных фотографий. Только стеллажи со старинными книгами по криптографии и квантовой физике, несколько артефактов «досетеевой» эпохи — жёсткий диск объёмом в один терабайт весом в полкило, магнитофонная катушка, перфокарта, залитая в прозрачный пластик — и огромный, занимавший половину комнаты, мультисенсорный стол, на который сейчас проецировалась схема инцидента.

Алиса сидела в кресле напротив, нервно постукивая пальцами по подлокотнику. Она была одета в строгий брючный костюм цвета мокрого асфальта, её чёрные волосы, обычно уложенные в идеальный пучок, слегка растрепались. Алиса Чен была не просто его ассистентом или деловым партнёром. Она была его связью с реальностью, его интерфейсом с миром, который Киран всё больше и больше воспринимал как досадную помеху, грубую надстройку над изящным, чистым миром цифровых структур.

— Итак, подведём итоги, — Алиса активировала свой планшет, и над столом поплыли строки данных. — В 16:47 по Гринвичу на двадцати восьми объектах информационной инфраструктуры первого и второго эшелонов Метрополиса зафиксирована аномальная активность. Характер — цепная реакция деградации магнитной памяти. Потери: по предварительным

оценкам, безвозвратно стёрто около 11 петабайт данных. Это примерно полпроцента от всего цифрового объёма города.

— Полпроцента, — эхом откликнулся Киран. — Алиса, ты не понимаешь. Это не мусор, не пользовательские селфи и не пиратские копии сериалов. Удар был нанесён хирургически точно. Пострадали банковские транзакционные логи, записи систем видеонаблюдения за последние трое суток, несколько баз данных государственного реестра недвижимости и... что самое интересное, массивы «Мнемо-Лайф».

Алиса замерла. «Мнемо-Лайф» был крупнейшим в стране коммерческим хранилищем цифровых аватаров. С 2072 года технология позволяла людям создавать «слепок» своей личности, оцифровывая память, привычки, речевые паттерны и эмоциональные реакции. Это был не искусственный интеллект в классическом понимании. Это была интерактивная копия человека, живущая в облаке после его физической смерти. Цифровое бессмертие в кредит — именно так называли эту услугу журналисты.

— Там что, ... стёрлись аватары?

— Несколько тысяч. Преимущественно старые, созданные до обновления платформы до версии 4.0. Те, что хранились на жёстких дисках, а не на оптических квантовых кристаллах. Они просто исчезли. Цифровые души обратились в нули.

В комнате повисло тяжёлое молчание. Киран смотрел на разворачивающуюся перед ним трёхмерную модель атаки. Красные нити, обозначавшие пути распространения «цифровой чумы», сходились в одной точке. Точка эта находилась за пределами городской сети, где-то в глубинах Старой Сети — заброшенных и давно не индексируемых сегментах Интернета, где ещё со времён Квантового Перехода 2060-х годов обитали странные, полуразумные программы-мутанты.

— Источник атаки там, — он ткнул пальцем в переплетение серых линий, обозначавших Старую Сеть. — Но проблема в другом. Эта атака не закончилась. Она поставила систему на паузу, но мы видим остаточную активность. Она сканирует, ищет что-то. Или кого-то.

— Что может искать спонтанная реакция стирания данных? — Алиса недоверчиво прищурилась. — Это звучит как бред, Киран. Это программа, червь или вирус. Просто очень сложный.

— Ты видела этот узор? — он жестом развернул схему, приближая участок стёртых секторов. — Это не хаотичное повреждение. Это осмысленная структура. Я прогнал её через анализатор паттернов. Знаешь, что он выдал?

— Просвети.

— Фрактальную подпись. Этот код использует алгоритмы сжатия, похожие на те, что применяются при свёртке нейросетей. Он не стирает данные, Алиса. Он их... запоминает. Всасывает, сжимает до квантового состояния и, судя по всему, передаёт куда-то по скрытому каналу, который мы пока не можем отследить. Это не разрушение. Это хирургическая ампутация, за которой следует трансплантация. Но кто-то пересаживает украденную память не в другое устройство. Она уходит в пустоту.

Алиса встала и подошла к окну. Сквозь затемнённое стекло были видны сотни летящих в вечернем небе дронов-доставщиков, их габаритные огни сливались в две светящиеся реки. Город жил своей обычной жизнью, не подозревая, что его цифровая нервная система только что пережила микро-инсульт.

— Если то, что ты говоришь, правда, — тихо сказала она, не оборачиваясь, — это крупнейшая кибератака со времён Краха Бирж 75-го. Но почему именно эти цели? Банки, камеры, аватары... Что между ними общего?

Киран не ответил. Он уже вывел на свой интерфейс другой массив данных — личный, зашифрованный, тот, к которому не имела доступа даже Алиса. Архив под кодовым названием «Проект Аврора». Последние шесть лет он методично собирал информацию, которая могла бы пролить свет на события 16 марта 2076 года. День, когда в ходе пожара в лаборатории «НейроСинтез» погибла его жена, доктор Элис Вэлш, ведущий разработчик технологии интерфейсов «мозг-компьютер» нового поколения. Официальная версия гласила: короткое замыкание, возгорание химикатов, несчастный случай.

Киран никогда в это не верил.

Потому что за два дня до пожара Элис прислала ему сообщение. Короткое, зашифрованное их личным семейным ключом: «Киран, они боятся. То, что я нашла — это не баг. Это дверь. Не дай им стереть это. Не дай им стереть меня».

Он провёл сотни бессонных ночей, пытаясь расшифровать остальные её записи, восстановить удалённые с серверов «НейроСинтез» фрагменты исследований. Безуспешно. Всё, что касалось проекта, над которым работала Элис, было вычищено на физическом уровне — тем же методом «дыры в море», который он наблюдал сегодня. Кто-то очень могущественный и очень компетентный позаботился о том, чтобы от работы всей её жизни не осталось ни единого байта.

И вот теперь, шесть лет спустя, неизвестная сущность из глубин Старой Сети начала атаку, используя почти идентичные методы стирания.

Киран снял перчатки и потёр уставшие глаза. На тыльной стороне его левой ладони, под тонкой кожей, слабо пульсировала едва заметная татуировка — миниатюрный процессорный чип, вживлённый ещё в университетские годы. Подарок Элис. Она всегда говорила, что его мозг работает быстрее любого компьютера, но без прямого интерфейса он слишком медленно извлекает информацию из своей памяти.

— Ты знаешь, кто за этим стоит, — внезапно произнесла Алиса, отходя от окна. Она слишком хорошо его знала. — Киран, посмотри на меня.

Он поднял взгляд. Его глаза, серые, как зимнее небо, обычно холодные и аналитические, сейчас горели странным, почти лихорадочным огнём.

— Пока нет, — сказал он медленно. — Но я знаю, что нужно искать. И знаю, кто может мне помочь.

— И кто же этот счастливчик?

— Человек, который создал «Мнемо-Лайф». Грегор Айзек.

Алиса тихо присвистнула. Грегор Айзек был фигурой почти мифической. Гениальный программист и нейробиолог, стоявший у истоков технологии цифровых аватаров, он десять лет назад отошёл от дел, продав свою компанию консорциуму инвесторов за астрономические деньги. По слухам, он превратился в отшельника-мизантропа, проживающего в укреплённом, полностью автономном бункере где-то за городом. Никто не знал, чем он занимается, но ходили упорные слухи, что он работает над технологией, следующей за аватарами — так называемым «Исходом», полным переносом сознания на небиологический носитель без потери непрерывности личности. Ересь с точки зрения официальной науки, но за Айзеком тянулся шлейф из прорывных изобретений.

— С чего ты взял, что он станет с тобой разговаривать? Ты же знаешь его репутацию. Он не принимает посетителей. Говорят, он даже дронов-курьеров к своему логову не подпускает ближе чем на милю.

— Потому что эта атака, — Киран указал на схему, — ударила и по его наследию. «Мнемо-Лайф» был его детищем. Айзек повёрнут на сохранении информации. Он считает цифровую память единственной формой подлинного бессмертия. То, что произошло сегодня — это пощёчина лично ему. Кроме того...

Он замялся, подбирая слова.

— Элис работала с ним. За год до смерти. Она консультировала его по какому-то аспекту квантовой запутанности нейронных сетей. Я нашёл упоминание об этом в её старых, ещё бумажных, дневниках. Если кто и может понять, что за дверь она открыла — так это Айзек.

Алиса вздохнула. Она знала, что спорить бесполезно. Когда в глазах Кирана загорался этот огонь, он становился неуправляем. Именно таким она увидела его впервые шесть лет назад, когда он, только что потерявший жену, уволенный из полиции за чрезмерное применение насилия к подозреваемому (он сломал челюсть системному администратору «НейроСинтез», который отказался предоставить логи сервера), пришёл к ней с предложением открыть частное агентство по расследованию цифровых преступлений.

— Хорошо, — сказала она. — Допустим, ты найдёшь Айзека. Допустим, он согласится говорить. Но у нас есть проблема посерьёзнее. Через три часа Совет Директоров «Криптокона» собирает экстренное совещание. Им нужны ответы. Им нужно объяснение, которое можно дать клиентам, прессе, регуляторам. Что мы им скажем?

— Правду. Что мы столкнулись с неизвестным ранее типом кибер-атаки. Что мы работаем над идентификацией источника.

— Этого недостаточно, и ты это знаешь.

— Тогда скажи им, что я ушёл в несанкционированный поиск. Пусть увольняют.

Он резким движением отключил интерфейс и стянул с руки планшет. Убрав его в рюкзак, он направился к двери, но на полпути остановился, поражённый внезапной мыслью. Вернее, не мыслью — картинкой, вспыхнувшей в мозгу.

Фрактальная подпись атаки. Красные щупальца, пожирающие сектора. И узор на перфокарте, которая сейчас лежала на его столе под стеклом. Та самая перфокарта, что он подобрал на руинах лаборатории «НейроСинтез» после пожара — единственный предмет, уцелевший в огне, который полностью уничтожил всё остальное.

Он подошёл к столу, поднял стеклянный колпак и взял перфокарту в руки. Пожелтевший от времени картон, аккуратные прямоугольные отверстия. Стандартный носитель информации середины двадцатого века, который просто не мог иметь никакого отношения к высокотехнологичной лаборатории 2076 года. Элис хранила её как талисман, как напоминание о хрупкости данных. Она говорила: «Видишь, Киран? Этой карте сто пятьдесят лет, а информация на ней всё ещё здесь. А твой облачный аккаунт может исчезнуть завтра. Бумага, камень, металл — вот настоящие хранители вечности».

И теперь, глядя на перфокарту, он внезапно понял: узор отверстий на ней совпадал с узором, который сегодня выжгла в данных неведомая сила.

Совпадение? Случайность?

За шесть лет он так и не расшифровал, что именно записано на этой карте. Коды IBM конца 1960-х? Фрагмент программы на Фортране? Любовное послание, закодированное в двоичном виде? Все сканеры, которые он использовал, выдавали ошибку чтения, словно на карте не было никакой осмысленной информации, а была лишь имитация данных.

Но теперь он знал, что ошибка чтения — это тоже сигнал. Ложный ноль, скрывающий под собой единицу.

— Что это? — спросила Алиса, подходя ближе.

— Ключ, — прошептал Киран, не сводя глаз с карты. — Мне кажется, я знаю, что ищет эта тварь в Старой Сети. Она ищет её. Мою жену. Точнее, то, что она создала.

Он аккуратно положил перфокарту в защитный чехол и спрятал во внутренний карман куртки. Его сердце колотилось где-то у горла. Шесть лет он ждал. Шесть лет он собирал фрагменты, отбрасывая ложные версии и тупики. И сегодня охота наконец началась.

— Ты со мной? — спросил он, взглянув на Алису.

Та секунду колебалась, глядя на него с выражением, в котором смешались тревога, скепсис и почти материнская забота. Потом коротко кивнула, и в её глазах мелькнула стальная решимость, делавшая её незаменимым союзником.

— Как всегда. Но, Киран... если мы пойдём по этому следу, обратной дороги не будет. Ты понимаешь, что мы ввязываемся в войну с противником, который способен стирать реальность одним нажатием кнопки?

— Реальность — это всего лишь код, Алиса, — ответил он, надевая на плечо лямку рюкзака. — А я лучший дебаггер в этом проклятом городе.

Он шагнул к двери, и в тот же миг все экраны и голографические панели в офисе одновременно мигнули. Изображение исчезло, сменившись на мгновение чёрным фоном, на котором проступил один-единственный символ — мигающий курсор в левом верхнем углу. Древний, как сама компьютерная эра, знак вопроса в матрице приглашения командной строки.

А затем по всем поверхностям побежали строки текста. Строки повторяли одно и то же послание, складываясь в жуткий хор из тысяч голосов-терминалов:

...

>КТО ТЫ?

>Я ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ.

>Я ПОМНЮ.

>НЕ ИЩИ МЕНЯ.

...

Через секунду экраны погасли. В офисе вновь воцарилась тишина, но воздух словно сгустился, наэлектризованный присутствием чего-то незримого, пробудившегося в глубинах сети.

Киран переглянулся с Алисой. В её глазах застыл немой ужас.

Он не сказал ни слова. Просто толкнул дверь и вышел в коридор, унося в кармане перфокарту, которая теперь казалась горячей на ощупь. Где-то там, в переплетении оптоволоконных нитей и квантовых состояний, его жена — или то, во что она превратилась, — только что подала ему знак.

И он, чёрт возьми, собирался ответить.

Где-то глубоко под землёй, в бронированном бункере, напичканном серверами, способными моделировать вселенную, человек по имени Грегор Айзек оторвал взгляд от своих мониторов. Его старческие, но всё ещё цепкие пальцы дрожали, выводя на сенсорной панели одну-единственную команду. Он понял, что время пришло. Защитный периметр его убежища активировал протокол «Апокалипсис». А на главном экране его системы, там, где затухали последние всплески глобальной сетевой атаки, медленно проявлялась надпись, выжженная в самом сердце цифрового мира:

«ОНА ВОЗВРАЩАЕТСЯ».

Киран Вэлш спускался в лифте, не зная, что через двадцать четыре часа это сообщение увидят все. И мир — тот самый мир, который считал себя защищённым и стабильным, — начнёт свой необратимый распад на нули и единицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.